

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF APPLYING THE LAW OF NON-RECOGNIZED STATE ENTITIES

M. Daova

Summary. The article examines the mechanism of the application of the law of subjects with a disputed international legal status — non-recognized state entities. The relevance of the problem is associated with the lack of legal regulation and a single paradigm in determining the admissibility of the application of the legal complex of these entities. The study analyzes the approaches established in the doctrine of private international law to the application of the jurisdiction of non-recognized states, reflected in world judicial practice, as well as the potential of such an application in both international and national legislation. In conclusion, methods and recommendations, the practical implementation of which can contribute to the resolution of this issue, are proposed.

Keywords: non-recognized state entities, non-recognized states, application of the law of unrecognized states, normative approach, factual approach, recognition, application of foreign law, conflict rule.

Даова Милана Хазреталиевна

Выпускница Института права, экономики
и финансов

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»
milana.daova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм применения права субъектов со спорным международно-правовым статусом — непризнанных государственных образований. Актуальность проблемы связана с отсутствием нормативного регулирования и единой парадигмы в определении допустимости применения правового комплекса данных образований. В ходе исследования анализируются установленные в доктрине международного частного права подходы к применению юрисдикции непризнанных государств, отражающиеся в мировой судебной практике, а также потенциальность такого применения в аспекте международного и национального законодательства. В заключении предлагаются способы и рекомендации, практическая имплементация которых может способствовать разрешению данного вопроса.

Ключевые слова: непризнанные государственные образования, непризнанные государства, применение права непризнанных государств, нормативный подход, фактический подход, признание, применение иностранного права, коллизийная норма.

Современное мировое пространство характеризуется сосредоточением территориальных образований, стремящихся к провозглашению своей независимости. Существование подобных государственных образований априорно сопрягается с конфликтностью в глобальной политике, выражающейся в дифференциальном определении их положения иными государствами. Многие политические акторы подвергают сомнению правосубъектность данных образований и отказываются признавать их в качестве полноценных государств.

Международное публичное право не определяет эксплицитно статус непризнанных государств в международных договорах или нормах обычного права. Отсутствие правового регулирования порождает ряд проблем в различных областях, в том числе, в плоскости международного частного права. Последнее, как известно, призвано обеспечивать координацию правовых систем и эффективное урегулирование трансграничных частноправовых споров, в частности, посредством механизма применения права иностранного государства. Однако в отношении непризнанных государств

в силу их спорной правовой природы данный механизм не всегда реализуется. И зачастую при отсылке коллизийной нормы к праву такого государства судебные органы сталкиваются с дилеммой: применять право непризнанного государственного образования или руководствоваться законами «материнского» государства, на территории которого находится это образование?

Возможность применения права непризнанного государства непосредственно зависит от его способности быть субъектом права. В международном публичном праве существуют две теории, различно определяющих момент возникновения государства как полноценного субъекта права: декларативная и конститутивная. Согласно первой теории, признание не создает нового субъекта международного права, а лишь является юридическим актом, оформляющим факт возникновения государства и вступления его в международные отношения [1]. Конститутивная теория базируется на противоположном положении, согласно которому государство приобретает статус субъекта международного права только после признания его другими государствами.

Представляется, что к нынешним реалиям наиболее приближена декларативная теория, а конститутивная является характерным проявлением субъективного идеализма [2]. Государство является субъектом международного права в силу его суверенитета. Именно это имманентное свойство определяет правоспособность государства и возможность его участия в международных отношениях. Любое территориальное образование, обладающее ключевыми признаками государства (территория, население, собственное правительство, способность к вступлению в отношения с другими государствами¹), имеет международные права и несет международные обязанности, независимо от его признания другими субъектами. Непризнание государства не отменяет факта его существования. Более того, это никак не препятствует их прогрессивному развитию и активному участию во внешнеторговых сношениях. При этом данный тезис никак не нивелирует феномен признания, так как именно признание, как стадия образования независимого государства, влияет на быструю нормализацию отношений с иными субъектами международного права, тем самым существенным образом облегчая его дальнейшее развитие.

В данном направлении особое внимание обратил на себя косовский прецедент. Международный Суд ООН в своем консультативном заключении о правомерности провозглашения независимости Косово, пришел к выводу, что декларация независимости Косово не нарушает международное право². Это констатировало возможность правомерного существования вновь созданных государств. Тем не менее международное сообщество не достигло консенсуса относительно этого вопроса. Можно заключить, что основная причина непризнания находится не столько в плоскости международного права, сколько в сфере внутренней политики государства. И, как правило, непризнающие акторы сами имеют дело с меньшинствами и сепаратистскими тенденциями в своих государствах.

С точки зрения международного частного права возможность применения права непризнанного государства коррелирует с утвердившимся в государстве правовым подходом, позволяющим или ограничивающим такое применение. Исходя из этого, в доктрине сформировались нормативный и фактический подходы, которые находят свое отражение в судебной практике государств [3].

¹ Межамериканская конвенция прав и обязанностей государств, принятая в г. Монтевидео, Уругвай, 1933 г. [Электронный ресурс].— URL: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf>

² Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2010, p. 403

Нормативный подход основывается на необходимости согласования воли национального правительства и судебных органов. С одной стороны, это удовлетворяет потребность государства в гармонии между различными его институтами [4]. С другой стороны, ввиду политической окраски выражаемой правительством позиции может игнорироваться фактическая ситуация в непризнанных государствах.

Данный подход имел свою актуальность до середины XX в., и наиболее ярко можно проиллюстрировать его на примере исторических кейсов. Так, в Великобритании возможность применения судами правопорядка иностранного государства всецело зависела от его признания английским правительством: «Если наш суверен признает — и выражает это признание через своего министра,— что другое лицо является сувереном, как могут суды нашего суверена проверять предполагаемые атрибуты этого лица с целью рассмотрения его иска, а при отклонении иска отказывать ему в услуге, на которую дал согласие их собственный суверен»³.

На начальном этапе образования СССР суды большинства европейских государств отказывались применять советские законы, обосновывая это тем, что применение иностранного права непосредственно связано с его политическим признанием. Так, в деле *Katsikis v Societa Fati Svoroni di Pallone*⁴ касательно советского режима суд Италии заявил, что поскольку суды Италии фактически не признают законное осуществление политического суверенитета со стороны российского правительства, то суды также не должны признавать никаких проявлений в законодательном поле, так как политическое признание иностранного государства является непременным условием в применении права иностранного государства.

Несмотря на непопулярность нормативного подхода на современном этапе, его все еще придерживаются некоторые государства (Египет, Иордания, Украина). Так, например, Одесский апелляционный хозяйственный суд в своем постановлении от 18 июля 2006 г. по делу № 15/202/06⁵ отказался придавать правовое значение действиям юридического лица, право на совершение которых оно имело в соответствии с законодательством Приднестровской молдавской республики. Суд не признал дееспособность лица, мотивировав это следующим: «Приднестровская молдавская респу-

³ *Duff Development Company Ltd. v. Government of Kelantan*, UKHL J0410-1 (House of Lords, 1981).

⁴ *Katsikis v Societa Fati Svoroni di Pallone*, 50 Jour. du Dr. Int. 1021 (Tribunale di Genova, 1923).

⁵ Постановление Одесского апелляционного хозяйственного суда по делу № 15/202/06 от 18 июля 2006 г. [Электронный ресурс].— URL: <https://zakononline.com.ua/court-decisions/show/53644>

блика юридически не существует как отдельное государство, что является общеизвестным фактом». Украинская практика сформировала достаточно категоричную позицию по этому вопросу [5], что, предполагается, связано с господствующим позитивистским правосознанием в государстве, а также с формированием непризнанных образований — «национальных» республик — при непосредственном вмешательстве российских властей, являющимся попирающим начал международного права.

Доминирующим на мировом пространстве и наиболее распространенным в настоящее время является фактический подход, проводящий границу между политическими соображениями правительства и частными правами и интересами, ставя последние во главу угла. Данный подход является наиболее реалистичным и исходит из фактического существования государства. На практике это выражается в признании юрисдикции непризнанного государственного образования вне зависимости от позиции исполнительной власти.

В качестве примера следует привести дело *Hesperides Hotels Ltd v. Aegean Turkish Holidays Ltd*¹, которое касалось ареста отелей на Северном Кипре правительством Турецкого Федеративного Государства Кипр (предшественником Турецкой Республики Северного Кипра). Судья Деннинг в своем решении констатировал следующее: «суды этой страны (Соединенного Королевства) могут признавать законы или акты органа, осуществляющего эффективный контроль над территорией, даже если она не признана правительством Ее Величества de-jure или de-facto, по крайней мере — в отношении законов, регулирующих повседневные дела людей, такие как их браки, их разводы, их арендные договоры, их профессиональную деятельность и т.д.».

Показателен также кейс из канадской судебной практики. В деле *Parent v Singapore Airlines Limited*² министр иностранных дел на запрос суда о возможности рассмотрения Тайваня как государства обозначил, что Канада проводит политику «одного Китая», признает КНР и не имеет дипломатических отношений с Тайванем. Суд счел ответ канадского министерства неубедительным и решил самостоятельно прийти к заключению, ссылаясь на то, что в соответствии с Законом о государственном иммунитете не только правительство компетентно разрешать данный вопрос, но и суд. Он постановил, что Тайвань удовлетворяет критериям государственности в соответствии с Конвенцией Мон-

тевидео, и, более того, на основе двусторонних официальных соглашений правительство Канады на практике признает «эффективную политическую независимость Тайваня».

Особенно примечательными являются случаи, в которых судом государства, заявляющего свой суверенитет в отношении территории непризнанного государственного образования, в целях защиты прав и интересов частных лиц признавались акты соответствующего образования. Так, например, в рамках рассмотрения дела *Ku Chia Chun & Ors. v. Ting Lei Miao & Ors*³ апелляционный суд Гонконга признал решение Тайбэйского суда о признании должника банкротом, отметив, что само по себе непризнание Китайской Республики не является препятствием для признания решения находящегося на его территории суда (при условии, если оно не противоречит публичному порядку).

Что касается российской правоприменительной практики, она содержит достаточно противоречивые примеры в сфере применения права непризнанных государств. Так, в деле № 2–100/2016 от 24 марта 2016 г.⁴ Кимовский городской суд Тульской области разрешил вопрос применимого права в пользу гражданского законодательства Приднестровской Молдавской Республики, хотя РФ официально не признала суверенитет ПМР. Суд апеллировал к применению в Молдавии статьи 41 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22.01.1993 года. В другом деле № А19–18359/2020 от 16.03.2022⁵ с участием юридического лица из Китайской республики суд применил Венскую Конвенцию «О договорах международной купли-продажи товаров», посчитав, что внешнеторговый контракт заключен между Договаривающимися государствами (РФ и КНР). Суд сослался на то, что «государственный суверенитет Тайваня как государства не признан многими странами, и в связи с этим Тайвань следует считать частью Китая».

Примеры расходящихся кейсов имеются также в отношении признания юридических документов непризнанных государств. В одном из них суд не признал

¹ *Hesperides Hotel Ltd. v Aegean Turkish Holidays Ltd.*, 2 All ER1168 (Court of Appeal, 1977).

² *Parent v. Singapore Airlines Ltd.*, IJ Can 7285 (Superior Court, 2003).

³ *Ku Chia Chun & Ors. V. Ting Lei Miao & Ors.*, 1 HKLRD123 (Court of Appeal, 1998).

⁴ Решение Кимовского городского суда Тульской области по делу № 2–100/2016 2–100/2016–М-14/2016 М-14/2016 от 24 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру).— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2Nsm7NrNyzb4/>

⁵ Решение Арбитражного суда Иркутской области по делу № А19–18359/2020 от 16.03.2022 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру).— URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/opqeDQc1i4YP/>

в качестве допустимого доказательства представленные истцом в подтверждение своего юридического статуса справки о регистрации на территории Турецкой Республики Северного Кипра в силу отсутствия легализационной надписи (участником Гаагской Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, ТРСК не является)¹. Также суд отметил отсутствие международных соглашений с участием Российской Федерации, «которые признавали бы Турецкую Республику Северного Кипра в качестве субъекта международных правоотношений». В аналогичном же деле, к которому апеллировал и истец приведенного выше спора, суд признал юридическое лицо из Приднестровской Молдавской Республики правоспособным, несмотря на отсутствие легализации свидетельства². Суд сослался на Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, в соответствии с которым Приднестровская Молдавская Республика получила право самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической, научно-технической и культурной областях. Вместе с тем данный Меморандум не является международным договором и не свидетельствует о какой-либо явно признанной международной правосубъектности ПМР.

В Письме Министерства иностранных дел РФ³ и Письме Министерства юстиции РФ⁴ на обращения Федеральной нотариальной палаты РФ по вопросу применения индивидуальных документов непризнанных государств было отмечено, что «международное право не запрещает государствам признавать действительность некоторых юридических актов органов, осуществляющих фактическую власть на неподконтрольных официальной власти территориях». С одной стороны, данное положение легитимирует и делает возможным признание актов непризнанных государств, но, с другой стороны, ограничительная формулировка в отношении юридических документов позволяет селективно подходить к их признанию. При этом международное право не содержит подобных оговорок, а разъясне-

ния по поводу принципов определения возможности признания актов в национальных источниках права не устанавливаются.

Коренное несоответствие выводов судов по тождественным правовым вопросам, во-первых, нарушает принцип правовой определенности и единообразия в применении и (или) толковании судами норм права, являющееся основанием для пересмотра дела в порядке надзора⁵. Во-вторых, дифференциация мотивов судов свидетельствует о политизированном подходе к оценке объективных обстоятельств дела, что подрывает беспристрастность суда и вступает в противоречие с концепцией приоритетности прав и свобод человека и гражданина.

В целом, судебная практика государств демонстрирует достаточно положительный опыт правоприменения в данной сфере и поддерживает позицию автономности института применения иностранного права. Рассматривая проблему в ретроспективе, можно проследить процесс эволюционирования судебной практики многих стран от нормативного подхода к фактическому. Наиболее поздние решения демонстрируют тенденцию судов принимать во внимание законы непризнанных государственных образований и оценивать ситуацию с точки зрения необходимости защиты субъективных прав и свобод. При этом есть государства, в которых суды продолжают отождествлять вопросы международного признания и применения норм иностранного права. Кроме того, следует учитывать, что некоторые страны еще не столкнулись с данной проблемой в своем правовом поле и не сформировали явственной позиции, как, например, Казахстан [6].

Для разрешения вопроса о возможности применения права непризнанного государства необходимо также проанализировать, соответствует ли такое применение общепризнанным нормам международного права и национальному правопорядку. Как уже было сказано выше, международное право нормативно не регламентирует статус непризнанных государственных образований. Вместе с тем оно не содержит и каких-либо дискриминационных положений, которые бы препятствовали применению юрисдикции последних. Более того, решения международных судебных институтов прямо подтверждают необходимость применять законы непризнанных государств, существующих de-facto. Так, в Консультативном заключении «О юридических последствиях продолжавшегося, несмотря на резолюцию Совета Безопасности ООН № 276 (1970),

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-188898/15-27-1591 от 10.10.2016 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RAPqePo9FQHx/>

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа № КГ-А40/5612-05 от 8 июля 2005 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

³ Письмо Министерства иностранных дел РФ от 02.07.2007 «О признании правовых актов и юридических действий непризнанных государственных образований» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

⁴ Письмо Министерства юстиции РФ от 26.09.2014 «О принятии российскими нотариусами для совершения нотариальных действий документов, исходящих из государственных образований, не признанных РФ самостоятельными субъектами международного права» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

присутствия Южной Африки в Намибии»¹ Международный суд ООН акцентировал внимание на том, что администрация Намибии является незаконной и недействительной, но данная недействительность не может распространяться на такие действия, как, например, регистрация рождений, смертей и браков, поскольку последствия игнорирования подобных действий могут ухудшить положение населения, проживающего на этой территории.

Данные выводы были восприняты и Европейским судом по правам человека. Разрешая вопрос о возможности признания северокипрских судебных решений, ЕСПЧ отметил, что полностью игнорировать такие решения означало бы, в сущности, вовсе отказать людям в защите их прав: «...отказ в зарубежном признании подобных решений допускает и исключения: на спорной территории продолжается повседневная жизнь, и фактические власти этого края, в том числе и суды, обязаны заботиться о соблюдении хотя бы минимальных стандартов в области прав человека. Поэтому, во всяком случае, могут признаваться и исполняться решения по брачно-семейным делам»². Приведенные решения международных судов следует рассматривать как рекомендации государствам и их судебным органам учитывать интересы частных лиц, подчиняющихся законам непризнанного государства.

Говоря о национальном законодательстве, законы и кодексы МЧП государств предусматривают возможность отсылки к праву иностранного государства, что, соответственно, применимо и к праву непризнанного государства. При этом в целях соблюдения основополагающих принципов местного правопорядка очерчиваются границы применения иностранного права, поскольку последнее есть, прежде всего, инструмент защиты собственных национальных интересов, интересов своих граждан и общества в целом [7]. Реализация этой цели осуществляется посредством институтов международного частного права — публичного порядка (*ordre public*) (ст. 1193 ГК РФ, ст. 16 Закона о МЧП Италии) и норм непосредственного применения (ст. 18 Закона о МЧП Швейцарии, ст. 38 Закона о МЧП Грузии). Следовательно, в данном случае разумно руководствоваться максимальной «разрешено все, что прямо не запрещено законом». То есть, если законодательство эксплицитно не устанавливает запретов на применение права непризнанного государства, то такое право подлежит применению. Релевантным доводом в пользу применения юрисдик-

ции непризнанного государства может также явиться предусмотренная международным частным правом возможность применения права федеративной части государства. В случае отсылки национальной коллизивной нормы к праву субъекта государства допускается определять в качестве применимого права правовой комплекс данного субъекта. В частности, Регламенты ЕС «Рим 1»³ и «Рим 2»⁴ стипулируют, что территориальные части, имеющие собственные нормы права, рассматриваются как отдельные государства. Это, в свою очередь, подтверждает значимость рассмотрения непризнанных государственных образований при разрешении частноправовых споров именно как автономных правовых единиц без привязки к их международному статусу.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что препоны на пути к применению законов непризнанного государственного образования как таковые отсутствуют. Непризнание государства, имеющее значение для международного публичного права, не должно создавать барьеры для такого применения. Международное частное право существует вне международных политических отношений и призвано применять эффективное право, наиболее полным образом реализующее интересы индивидов и организаций. Применение «материнского» права вопреки праву непризнанного государства может иметь диаметрально противоположные последствия для прав и обязанностей сторон, в особенности, когда правовые системы государств принципиально отличаются друг от друга.

Однако, принимая во внимание отсутствие нормативной регламентации, предписывающей применение права непризнанного государства, не исключено, что мировая правоприменительная практика будет дополняться примерами игнорирования законов таких государств. При этом суды будут использовать легитимирующие такое решение «лазейки», как, например, противоречие публичному порядку или невозможность установления норм иностранного права. Однако в большинстве случаев это будет лишь означать стремление правоприменителя принимать наиболее удобные и политически выгодные решения.

По мнению автора данной статьи, для разрешения рассмотренной проблемы необходимо принять меры по:

³ Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») [Электронный ресурс].— URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001>

⁴ Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс].— URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040002>

¹ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, p. 16.

² См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Кипр против Турции» от 10 мая 2001 г. (жалоба № 25781/94) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

- ◆ нормативному закреплению на международном уровне необходимости применять право непризнанных государств по меньшей мере в тех случаях, когда это может способствовать улучшению положения слабой стороны конфликта;
- ◆ внутреннему государственному урегулированию вопроса путем установления универсальных ориентиров (относительно применения права в целом всех непризнанных государственных образований) в целях внесения ясности и последовательности в судебную практику.

До тех пор, пока нормативные предписания не будут разработаны, судам рекомендуется при рассмо-

трении споров руководствоваться доктриной международной вежливости, основанной на добровольном и приоритетном урегулировании конфликта, применении юрисдикции иностранного государства из уважения к его суверенитету [8]. Кроме того, государствам, придерживающимся нормативного подхода, необходимо пересмотреть свою позицию, учитывая имеющийся положительный мировой правоприменительный опыт, и делегировать вопрос применения права органам судебной власти. Так как в современном обществе, где продвигается идея ориентации на человека, его права и интересы, подобный позитивистский взгляд на данный феномен не представляется когерентным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаровец Е.М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве / Е.М. Казаровец. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. — 245 с.
2. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2011. — № 2. — С. 3–12.
3. Basedow J. Non-recognised states in private international law // *Yearbook of Private International Law*. Vol. 20. 2020. pp. 1–14.
4. Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / Ю. Базедов; пер. с англ. Ю.М. Юмашева. — М.: Норма, 2022. — 384 с.
5. Miasoiedova S.V. The problems of the application of law of unrecognised states in international law / S.V. Miasoiedova, A.V. Komlyk // *Научовий огляд*. — 2018. — Т. 2, № 45. — С. 123–132.
6. Абирбек С.Т. Вопросы применения права непризнанных государств в международном частном праве // Вестник КазНУ. Серия: Юридическая. — 2021. — № 4. — С. 88–96.
7. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 680 с.
8. Joel R. Paul. Comity in International Law // *Harvard International Law Journal*. Vol. 1, 4. 1991.

© Даова Милана Хазреталиевна (milana.daova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»